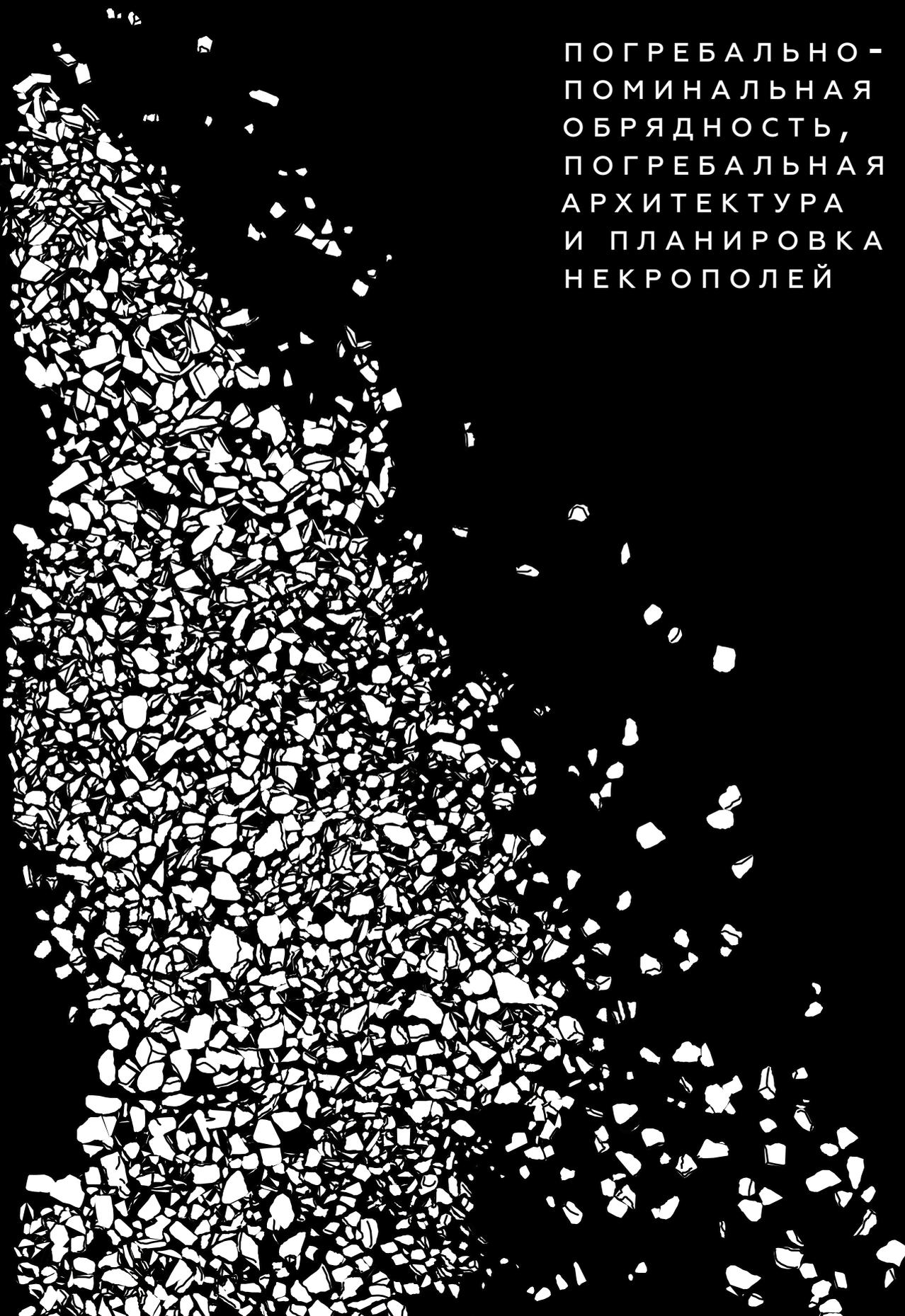


ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

А. Е. Симомян, Е. А. Атоянц

НЕКРОПОЛЬ ТЕЙШЕБАИНИ

В 2013–2016 гг. экспедиция Научно-исследовательского Центра историко-культурного наследия при Министерстве культуры Республики Армения (начальник экспедиции А. Е. Симомян) под двух-трехметровым слоем строительного мусора обнаружила и исследовала участок некрополя города Тейшебаини (Кармир блур), по южной окраине которого будет проходить обходная дорога Ширак — Аргаванд. Южнее этой местности находится современное кладбище Шенгавитского района г. Еревана. Казалось, что здесь вряд ли могли сохраниться нетронутые археологические объекты. Раскопки проводились в течение четырех сезонов (2013–2016 гг.). Было исследовано 281 погребение, которые в основном ровесники урартскому городу.

Ключевые слова: Кармир блур, Тейшебаини, некрополь, погребальный обряд, жертвоприношения, традиционная культура, инновации в представлениях о загробном мире

Расположение. Группа памятников Кармир блура находится в юго-западном районе г. Еревана, на левобережном плато реки Раздан (по клинописным источникам VII в. до Р. Х., река Илдаруни). Городище Урартского царства с северной, западной и северо-восточной сторон окаймлено рекой. На северном краю плоского плато, у обрыва каньона реки Раздан возвышается холм, на котором в древности возвышалась цитадель урартского города Тейшебаини.

Южнее цитадели простирался древний город с прямолинейными улицами, по обеим сторонам которых были построены прямоугольные в плане жилища и общественные сооружения. К югу, вне недостроенных городских стен, на территории, занятой современными зданиями и действующим кладбищем, находился обширный некрополь (Рис. 1).



Рис. 1. Общий вид памятника Тейшебаини

История исследования. В советское время на южной окраине охранной зоны с помощью техники выравнивали рельеф, проложили дороги, вырыли траншеи для магистрального водопровода и электрических кабелей, заложили сад. В первые годы независимости РА южная часть охранной зоны памятника

Кармир блур превратилась в свалку, и некрополь был покрыт 2–3-метровым слоем строительного мусора. По решению мэрии г. Еревана, именно эта территория была выбрана местом для строительства обьездной дороги Ширак — Аргаванд. Несмотря на то, что видимых признаков наличия каких-либо историко-культурных памятников не было, мэрия, идя навстречу требованиям ученых, объявила тендер для выяснения истины до начала строительных работ.

В 2013 году под контролем археологов и с помощью техники был убран огромный объем строймусора, в том числе включающего бетонные конструкции. Работы проводились таким образом, чтобы над предполагаемым культурным горизонтом оставался слой мусора толщиной в 10–15 см для последующей расчистки вручную. После расчистки на участке длиной 3,5 км были заложены двадцать пробных раскопов площадью 10×20 м каждый. В процессе работы в южной стороне секционного дома, выявленного еще в 1956 году, обнаружилась прямоугольная в плане пристройка с вымощенным базальтовыми плитами полом. По нашему предположению, это была конюшня.

В двух раскопах выявились группы захоронений. Для обоснования присутствия на этой территории культурных слоев в 2013 году были раскопаны погребения № 1 и № 2.

В 2014 г. была поставлена цель: определить границы находящейся под угрозой дорожных работ территории некрополя и предварительное число захоронений. Только после этого мог быть подписан договор на проведение масштабных раскопок. Вскоре силами экспедиции был убран 10–20-сантиметровый слой строймусора на участке площадью 400×20 м и произведены картографические работы с обозначением обнаруженных артефактов и погребений.

Масштабные раскопки проводились в 2015–2016 гг. В сложной и напряженной ситуации, при дефиците времени — всего два сезона, на академическом уровне были раскопано 279 захоронений.

Еще до наших изысканий экспедицией Б. Б. Пиотровского на Кармир блуре было вскрыто около десятка гробниц, которые датировались или ранним железным веком, или эллинистическим периодом (Пиотровский, 1950. С. 19–20; Мартиросян, 1961. С. 137–150; 1965. С. 167; Вайман, Тицалян, 1974. С. 60–70). Тем не менее, могильник города Тейшебаини до наших раскопок оставался неизвестным, также не было известно, где были захоронены тысячи жителей северной столицы Ванского царства.



Рис. 2. Участок некрополя после раскопок

Наши раскопки выявили некрополь урартского города с чрезвычайно плотным расположением могил (одна могила на 6 м²) (Рис. 2). На территории найдены также некоторые доурартские погребения.

Конструкция гробниц. Гробницы в основном земляные, в нижней части некоторых из них устроены ниши. Также были обнаружены гробницы со стенами, выложенными в нижней части из речных голышей или колотого туфа и базальта, и просторные погребальные залы знати. Большая часть погребальных камер ограничена своеобразными, до того нам неизвестными конструкциями кромехов — «магическими» кругами. Кромехи устраивались следующим образом: вокруг могил в глинистом

грунте рыли кольцевые ровики, которые заполняли речной галькой на глиняном растворе. Так образовались ленточные круги. Отдельные гробницы имели традиционные кромлехи, сложенные из крупных речных окатышей. В этих немногих захоронениях сохранилась традиция обустройства кромлехов, характерная для периода поздней бронзы — раннего железа.



Рис. 3. Защитный слой из мелкой гальки на глиняном растворе на поверхности могил



Рис. 4. Туфовый идол с двумя углублениями-глазами

Своеобразен и способ перекрытия гробниц. Как правило, после захоронения могилы засыпались землей, а потом сооружался защитный слой из мелкой гальки на глиняном растворе (Рис. 3). Имелись также могилы с перекрытием из туфовых плит. В этих случаях могильные ямы не засыпались после захоронения.

Рядом с почти двадцатью гробницами были установлены изваянные из туфа изображения неких идолов с двумя углублениями-глазами, обращенными к небу (Рис. 4). Эта традиция погребального обряда впервые зафиксирована в Тейшебаини, однако, по всей вероятности, она имеет глубокие корни. Так, традиция изготовления идолов с подобными «глазами» на Армянском нагорье отмечена в раннем бронзовом веке. В городище Шенгавит было обнаружено более десятка туфовых идолов с просверленными «глаза-

мид» (Симоныи, 2013. С. 14–15). Примечателен и камень из западной стены гробницы 1-А из Верин Навер, на котором выдолблены две ямки, напоминающие «глаза» (Симоныи, 2014. С. 222–226).

В могильнике Тейшебаини погребальные обряды представляются как очень оригинальное и примечательное явление чисто технологически: весь могильник сплошь покрыт слоем галечника, что особенно заметно на западном отрезке некрополя. Это, без сомнения, результат продуманных действий, осуществление которых требовало большого труда: поиск в русле р. Раздан соответствующих камней, их погрузка и транспортировка, наконец покрытие ими погребений. Можно предположить, что галечный слой предохранял могилы от разрушения и сооружения новых гробниц.

Время. Находящиеся в гробницах керамические изделия — местные (традиционные) черные и серые и урартские, так называемые, «дворцовые» — красноощенные; статуи, характерные для урартской культуры; украшения из металла, бусы, инсигнии власти, печати и другие являются предметами единовременного производства и захоронения. Это дает основание предположить, что подавляющая часть раскопанных гробниц относится к VII в. до Р. Х. и современна урартскому городу.

Архитектоника некрополя. В отдельных случаях мы имеем пять-шесть пересекающихся могильных колец, частично разрушенных при сооружении новых. Явление, обусловленное ограниченной территорией могильника и множеством захоронений. Принимая во внимание, что Тейшебаини основал Руса II (685–645), и то, что город предположительно пал в начале VI в. до Р. Х., можно сделать вывод, что город и некрополь просуществовали максимум 70–80 лет. Есть предположения, что город был разрушен еще в 640 г. до Р. Х. (Ayaniş 1, 2001. P. 24; Sabini, 2017. P. 427–447), что еще более сужает время существования некрополя. Фиксация частичного разрушения старых кромлехов доказывает, что в «городе мертвых» захоронения хронологически разделены промежутками в одно, максимум два десятилетия. Фактически мы имеем своеобразную горизонтальную стратиграфию, что дает уникальную возможность для определения последовательности сооружения могил, составляющих группу захоронений с точностью до одного десятилетия.



Рис. 5. Погребение 150. Совместное захоронение женщины и мужчины

Погребальный обряд. Некрополь Тейшебаини обустроен чрезвычайно плотно. Как отмечено выше, в среднем одно захоронение на 6 кв. м свидетельствует о перенаселенности города. В наше время в мегаполисах по нормам на одну могилу отводится такая же площадь. В «городе мертвых» Тейшебаини выявлены гробницы как женщин и мужчин, так и детей, в том числе младенцев. Женщин хоронили лежащими на левом боку, мужчин — на правом (Рис. 5). Редко зафиксированы вытянутые, лежащие на

спине захоронения. Также был распространен обряд расчленения (декарнация) и обезглавливания (декапитация) (Рис. 6) трупов, в основном жертвенных рабов и слуг. В некоторых захоронениях их число, похороненных с хозяином, достигает трех десятков. Прослеживается ритуал, когда трупы наложниц были уложены друг над другом в несколько рядов, а в центре лежал хозяин.

Четко прослеживается обряд «обезвреживания» покойников: им отрубали кисти, стопы и головы, которые затем хоронили отдельно, теменной частью вниз. Изредка над телом убитых жертв сооружали каменную стену. Есть скелеты, лежащие на животе, с явными следами насилия, как будто их убили и бросили в могилу в момент захоронения (Рис. 7).



Рис. 6. Погребение 147 с обрядом декарнации

Трогательна обряд захоронения знатного молодого придворного. О его высоком положении свидетельствует личная печать, изготовленная с большим мастерством. В центре гробницы на правом боку, чуть свернувшись, как во сне, лежал его скелет. По обе стороны от него, спиной прислоненные к стене гробницы, усажены 18-20-летние наложницы с богатыми украшениями. Они, кажется, охраняют спящего хозяина. Также с не меньшей тщательностью и большой любовью погребены дети.

Согласно представлениям тех времен, человек после смерти вместе со своим имуществом, рабами и гаремом переносился в мир мертвых. Насколько был богат покойный, настолько роскошны были вещи, опускаемые в могилу. Рабы воспринимались как имущество и в качестве собственности должны были сопровождать хозяину и продолжать служить ему в загробном мире. Явно, что при этом жрецы, обслуживающие похороны, твердо придерживались четко сформулированных канонов погребального обряда.

На Древнем Востоке высоко ценились верблюды как универсальное животное. Однако до сих пор в Армении лишь однажды в гробнице властного лица, может быть, предводителя-царя, были найдены останки верблюда. В 1896 г. А. Ивановский, исследуя гробницу, обнаружил скелеты двух верблюдов с золотыми украшениями, двумя жертвенными рабами и т. д. (Ивановский, 1911. С. 164). В 2016 г. в некрополе Тейшебани при раскопках гробницы придворного, вероятно, заместника, среди впряженных в повозку жертвенных быков, лошадей и других животных открылись два полных скелета верблюдов. Как было принято в погребальных обрядах представителей урартской высшей власти, труп хозяина в этой гробнице был сожжен. Здесь также были останки двух пожертвованных слуг, прекрасный стальной меч, сотни единиц бронзового оружия. Кроме того, детали конской упряжи, колокольчики, жезл с навершием в виде головы быка, роскошные бусы из сердолика и стекла и многое другое.



Рис. 7. Могила 155. Скелет лежащий на животе, с явными следами насилия

Сардур II сообщает, что из страны Этиуни среди прочих животных он угнал 155 верблюдов (*Ар-утюнян*, 2001. N241E, строка 31). Таким образом, свидетельство Сардура II и жертвенные верблюды, захороненные вместе с наместником в стране Ваза (Этиуни), говорят о том, что в древности в Араратской долине занимались разведением этих экзотических животных.

Историческая реконструкция. Наличие в гробницах останков множества жертвенных рабов — еще одно свидетельство того, каким могущественным и богатым городом являлся Тейшебаини. Антропологические исследования позволили сделать вывод, что каждый зажиточный горожанин имел рабов, часть которых вместе с хозяином отправлялась в загробный мир.

Б. Б. Пиотровский был убежден, что в административном центре Тейшебаини происходил сбор налогов и что в просторных мастерских рабы обрабатывали большое количество зерна и фруктов, готовили вино, изготавливали оружие и инструменты из железа и бронзы, деревянную мебель, шерстяные и льняные ткани и богатую одежду. Для подобных масштабных производств была необходима огромная армия рабочих и ремесленников, значительную часть которых составляли рабы (*Пиотровский*, 1959. С. 22). Раскопки некрополя подтвердили точку зрения Б. Б. Пиотровского.

В гробницах были найдены скульптура (туф) головы воина со шлемом; десятки идолов (туф), обращенных к небу, с углублениями наподобие глаз и скульптуры фаллосов, сотни глиняных сосудов — красных («дворцовых») и черных (местных), бронзовые браслеты и ожерелья из огромного разнообразия бус, изготовленных с большим мастерством из сердолика, агата, гагата, цветного стекла и морских

раковин, которые носили и женщины, и мужчины. Кроме этого, урартские печати, железное и бронзовое оружие: наконечники стрел, копья, дротики, кинжалы и ножи.

Этнокультурные обоснования. Естественно возникает вопрос: представители какого народа проживали в городе грозного бога войны и стихии Тейшебы, кто погребен в некрополе. Примечательна гипотеза Г. Карагезяна и А. Петросяна о том, что топонимы Эребуни-Ереван имеют индоевропейское происхождение. Согласно академику Г. Джаукяну, болезнь растений, название которой на армянском — *ефевил* (в народной лексике «жанг»), которая окрашивает листья в красный цвет, происходит от индоевропейского слова *erebh*, то есть темно-красный, кровавой (Джаукян, 1991. С. 38). Любопытно, что на необрабатываемых территориях Еревана были распространены полупустынные колючие растения с мясистыми листьями и польнь, которые, заболевая, приобретали ярко-красную окраску (Акопян, 1969. С. 66). До строительства урартами каналов и окультуривания этих земель территория современного Еревана, очевидно, была покрыта упомянутыми полупустынными растениями.

Развивая мысль Г. Джаукяна, А. Петросян приходит к выводу, что топоним Ереван скорее всего возник от армянского «ефев», обозначающего цвет, ибо холм Эребуни народ издавна называет *Аринберд* («Красная крепость»). Следовательно, в основе топонимов *Эребуни-Ереван*, по А. Петросяну, лежит слово «кармир» (красный), используемое доурартским армяноязычным населением страны Ваза (Петросян, 2006. С. 169–170). По нашему мнению, в пользу этой версии говорит не только широко распространенная на территории Еревана болезнь растений «ефевил», но также и другие, кроме Аринберда, доурартские названия: *Кармир блур* (Красный холм), *Кармир берд* (Красная крепость) и т. д.¹ Топонимы с компонентом цвета в мире широко распространены: «цветные» названия имеют моря, озера, горы и прочие географические объекты.

Как указано выше, по мнению А. Петросяна, жители Этиуны, говорили по-армянски. В этом аспекте также важны археологические исследования, в частности, результаты полномасштабных раскопок в некрополе. Определенно, что погребальный инвентарь, найденный в единовременных захоронениях, содержал многочисленные образцы как «дворцовой» краснолощеной керамики из центральных областей Ванского царства, так и черной и серой керамики местного происхождения. Последние составляют большую часть предметов, обнаруженных в захоронениях. Они по своей форме, декору, технологии производства и другим важным признакам почти не отличаются от доурартских образцов культуры раннего железа страны Айратат. Следовательно, можно сделать вывод, что в отличие от крепости Эребуни, где Аргишти I (786–764) поселил воинов с их семьями из стран Хате и Цупа, граждане Тейшебаини в подавляющем большинстве являлись аборигенами, продолжавшими традицию местной культуры. О непрерывном обитании армянского этноса в этом регионе также свидетельствуют результаты анализа ДНК (Margaryan and al., 2017).

Заключение. В Кармир блуре обнаружен некрополь, современный урартскому городу Тейшебаини. Обряд захоронения чрезвычайно богат и разнообразен, однако при этом канонизированный. В конструкции могил прослеживаются как традиционные, так и инновационные явления: ленточные кромлехи, вырытые в грунте и заполненные галькой на глиняном растворе, глиняная обмазка-панцирь над насыпью могильной ямы, положение рядом с кромлехами идолов в виде туфовых плит с углубленными ямками в виде глаз, положение в могилу изображений фаллосов и т. п. Явно прослеживается ритуал жертвоприношения слуг и наложниц. При том, что это не привилегия знати, зафиксированная в гробницах аристократии эпохи бронзы, а обиходное явление, доступное и для простых горожан. Это указывает на избыточность военнопленных города Тейшебаини, которые заполняли число слуг горожан урартского населения.

Совместное расположение в могилах экземпляров массового производства — бытовой и культовой керамики, в которых явно доминируют признаки местной, традиционной культуры (черная и серая), даёт пищу для вывода, что население города Тейшебаини, вопреки крепости Эребуни, были местные

¹ По Б. Б. Пиотровскому, это место народ называл «Кармир блур» из-за красноватого грунта цитадели (Пиотровский, 1950. С. 13).

жители, которое после завоевания Аргишти I, за прошедшие сто лет стали верными подданными Урартского царства. Это население, сохраняя традиционные черты местной культуры, в то же время воспринимало ряд элементов имперского мышления, в синтезе которых образовался сложный ритуал погребального обряда города Тейшебани.

-
- Акопян Т.* История Еревана, с древнейших времен до 1500 г. Т. 1. Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- Арутюнян Н. В.*, Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Вайман А. А., Тиранян Г. А.*, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени // Вестник общественных наук. № 8. Ереван, 1974. С. 60–70.
- Джаукян Г.* Этимология // Историко-Филологический журнал, 2. Ереван, 1991. С. 38 (на арм. яз.).
- Ивановский А. А.* По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VI. 1911.
- Мартirosян А. А.* Город Тейшебани (по раскопкам 1947–1955 гг.). Ереван, 1961.
- Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964.
- Петросян А.* Об этимологии топонима Ереван // Ереван. Сб. научных трудов, посвященных истории города Ереван. Ереван, 2006. С. 169–170 (на арм. яз.).
- Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Результаты раскопок 1939–1949 гг. Ереван, 1950.
- Пиотровский Б. Б.*, Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Симонян А. Е.* Шенгавит: поселение или ранний город // Ежегодник «Ушардазан». Т. 8. Ереван, 2013. С. 5–53 (на арм. яз.).
- Симонян А. Е.* Царские гробницы бронзового века в Арагацотне. Арменоведение и современные проблемы. Сборник докладов II Международной конференции по арменоведению. Ереван, 2014. С. 222–226 (на арм. яз.).
- Ayanis 1. Edition I. Altan Chiligioglu and Mirio Salvini. Roma. 2001.
- Margaryan Ashot, Derenko Miroslava, Hovhannisyán Hrant, Mahyarchuk Boris, Heller Rasmus, Khachatryan Zarubi, Anetisyan Pavel, Badalyan Ruben, Bobokhyan Arsen, Melikyan Vardubi, Sargyan Gagik, Piliposyan Ashot, Simonyan Hakob, Mkrtchyan Ruzan, Denisova Galina, Yepisheposyan Levon, Willerslev Eske, and Allentof Morten E.* Eight Millennia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus. *Current Biology*, 27, 1–6 July 10, 2017. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cub.2017.05.087>.
- Salvini M.* «Aufstieg und Fall des Reiches Urartu» // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology: Recent Research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age/An der Nordgrenze der vorderasiatischen Archäologie: Neue Forschung über Kaukasien und Anatolien in der Bronzezeit (Publications of the Georgian-Italian Shida-Kartli Archaeological Project 2, Subartu XXXVIII). E. Rova and M. Tonussi (eds) Turnhout and Brussels, 2017. P. 427–447.